

БУХТА МОТЫЛЬКОВ

МЭРИ
ЭВЕРЛИНГ

Москва
2026

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44
Э15

THE GHOSTS OF BITTERFLY BAY

© 2025 by Mary Averling
All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Иллюстрации Дарьи Терлецкой

Эверлинг, Мэри.

Э15 Бухта мотыльков / Мэри Эверлинг; [пер. с англ. А. Б. Васильевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 272 с. — (Тени потустороннего мира. Мистические книги для подростков).

ISBN 978-5-04-180020-8

Двенадцатилетняя Моды — не совсем обычная девочка. Она — привидение. Когда ее друг и младший брат исчезают, Моды понимает, что их похитил Длиннопалый — монстр из ее кошмаров. Он предлагает девочке хитроумную сделку: найти ключ от двери в таинственной хижине, или она больше никогда не увидит своих друзей. У нее нет выбора, кроме как обратиться за помощью к Джанне — живой девочке. Но Моды хранит множество секретов: о Длиннопалом, о хижине и о самой себе. И без этой правды никому не спастись...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Васильева А. Б., перевод, 2025
© Терлецкая Д. И., иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо»,
издание на русском языке, 2026

ISBN 978-5-04-180020-8

В память о моей прабабушке,
которая была пылкой, веселой и яркой
и рассказывала самые лучшие истории
о привидениях.

Джесс Дрюитт, 1925–2024

КОТТЕДЖ «ЛАНДЫШ» — НЕ САМОЕ ГОСТЕПРИИМНОЕ МЕСТЕЧКО. Разве что название симпатичное, а все остальное не очень.

Мы с Вавкой сидим на крыльце. Погода в этот июньский вечер стоит жаркая, но мы ждем грозу. Воздух тяжелый, набрякший и клубится, как облака. Куда ни кинь взгляд, отовсюду подступает темнота. Темное небо. Темные сосны. Темные горы. В рекламных проспектах говорится, что коттедж «Ландыш» обещает «прекрасный отдых на берегу лесного водоема», но это наглая ложь: от нашего порога многие мили до озера, затерянного в горах и вечно тонущего в холодной тени. Даже птицы нас сторонятся. Сегодня лес стоит, как всегда, безмолвный, только и слышно, как тихо поскрипывают качели, когда я отталкива-

юсь пятками от перил веранды с облупившейся краской.

— Гроза идет, — говорю я. — Сильная. Смотри, какие тучи.

Вавка супит брови.

— Ненавижу грозу.

Я обхватываю рукой щуплые плечи братишки.

— Ты ведь не боишься, нет?

— Нет, конечно, — быстро отвечает Вавка. Слишком быстро.

Наползающие тучи делаются все чернее и чернее. Поскрипывают качели. Цепи их заржавели, и балка, на которой они висят, наверняка сгнила. Раньше я даже побаивалась, что, если раскачусь слишком сильно, весь коттедж того и гляди обвалится нам на головы. Но это было давно. Сегодня, чтобы меня напугать, нужно кое-что пострашнее обветшалой веранды.

— Очень рада, что ты не боишься, — говорю я Вавке. — Это ведь всего лишь погода. А в лесу водятся вещи хуже. Гораздо хуже.

Вавка супится еще сильнее.

— Какие?

Я отворачиваюсь, чтобы он не заметил, как в усмешке дрогнули мои губы.

— Да разные, знаешь, — роняю я небрежно. — Разные вещи. Древние. Мертвые. Как-то раз я слышала, одна женщина рассказывала про оленя, которого сбила машина на шоссе. Раздавила в лепешку. А он встал и ушел обратно в лес, только половина внутренностей его так и осталась на дороге.

— Это... Моды, это неправда.

Я пожимаю плечами.

— А однажды я сама видела, как упавшее дерево снова ожило. Отрастило себе новые корни, уперлось ими и встало прямо передо мной. А весной выпустило новые листья, только они были белые. И ядовитые.

— Почему же я тогда об этом ничего не слышал?

— Потому что слушал невнимательно, Вавка-Малявка. — Я игриво щелкаю его по носу. — А я просто пытаюсь тебе объяснить, что обычные правила к Туманной бухте не применяются.

Он щелкает меня в ответ.

— Это я и без тебя знаю.

— Ладно, гений, тогда, должно быть, ты и о Длиннопалом тоже слышал?

Он смаргивает, и я уже знаю, что он попался. Поэтому мне нравится рассказывать страшные истории — нравится чувствовать, что поймал кого-то на крючок. Что его внимание удалось зацепить... И даже неважно, хороша история или плоха. Мозг обладает особым даром заполнять пробелы самостоятельно — главное, подкармливать его правильными словами. А это слово — «Длиннопалый» — оживает в тот самый миг, когда я произношу его. Деревья как будто подступают ближе. Вереница муравьев-древоточцев бросает грызть ступеньки веранды и замирает.

Они ждут. Они слушают.

— Длиннопалый — он вроде привидения, — говорю я, — только хуже. Представь себе человека, которого так растянули, что он стал высокий и тонкий, как жердь, с пальцами как паучьи

лапки. Ни тени. Ни пульса. Он создан только для одного: хватать и утаскивать.

Глаза Вавки раскрываются шире.

— А кого он хватает?

— Детей, — говорю я. — В основном.

— Зачем это?

— Он порождение черной магии. Если ты призовешь его, он притащит для тебя все, что захочешь. Раньше, в старину, родители посылали его искать сбежавших из дома детей. — Мои пятки отталкиваются от перил все чаще и чаще. — Но за это всегда приходится платить. А деньги Длиннопалому не нужны. Он лучше заберет твою душу.

На лице Вавки проступают одновременно восторг и сомнение.

— А сюда ему зачем приходиться?

— Почему я знаю? Может, Туманная бухта — как раз такое место, куда люди убегают.

— Как мы?

Я напрягаюсь.

— Нет. Мы... нет.

— погоди, — говорит вдруг Вавка. — А ты боишься Длиннопалого, Моды?

Я кривлюсь. Мой братик всегда очень чутко улавливает, что творится на душе у других. А правда в том, что Длиннопалого я вовсе не выдумала, чтобы попугать Вавку. Он часто является мне в кошмарах. Слишком длинный. Слишком тонкий. Со свалывшимися волосами до самых лодыжек. Ухмыляющийся рот словно прорезь в бумаге. Когда мои кошмары начались, я то и дело просыпалась в панике, ожидая, что он вот-вот

сцапает меня прямо в кровати своими холодными по-паучьи тонкими пальцами.

В этом и суть страшных историй. Лучшие из них должны не пугать до ужаса, а делать тебя храбрее. «Если боишься темноты, — говорила мама, — самое лучшее — это задуть свечу». Неважно, насколько страшна бывает реальность, ты всегда можешь придумать историю еще страшнее. А истории можно держать в узде. Едва ты дашь чему-то имя, едва ты произнесешь его, как кошмар утратит свою силу.

— Вы чего тут делаете, клоуны? — окликает нас мальчишеский голос.

Мы с Вавкой подскакиваем. Конечно, это Кит. Плетется по усыпанной гравием дорожке, бледный, как кость, на фоне темнеющего леса. И, как обычно, ухмыляется. Неважно, что он только что произнес — шутку или что-нибудь такое злое, от чего сворачиваются внутренности (а последнее он говорит часто); ухмылка Кита — такая же часть его самого, как чересчур отросшие белые волосы и всегда слишком короткие штаны, не прикрывающие тощих щиколоток.

— Моды рассказывала историю о привидениях, — сообщает Вавка. — Ты все пропустил.

Губы Кита кривятся.

— Ну и ладно. Я и сам уже спец по части историй о привидениях.

— Ха-ха, — отзывается я. — Где ты был?

— Осматривался. Готовьтесь, сюда машина едет. Будет здесь... минут через десять.

Я в испуге вскакиваю с качелей. Обычно в «Ландыш» никто не приезжает до самого июля,

когда все хижины поближе к озеру уже расхвываются. Я-то думала, нас никто не побеспокоит еще несколько недель.

— Быть не может! — говорю я. — И кто такие?

— Без понятия, — пожимает плечами Кит.

Внутри меня нарастает волнение. Конечно, это славно, когда коттедж «Ландыш» принадлежит только нам. Это вроде как наша закрытая страна, где лес только наш, и сверчки только наши, и никаких правил, кроме тех, что мы сами себе устанавливаем. Но такая замкнутость тоже наскучивает. Сколько я могу рассказывать свои истории Киту и Вавке, пока не начну лезть на стену от тоски?

Я сбегаю с веранды и забираюсь на ближайшую сосну, откуда лучше видно подъездную дорогу. Снова гремит гром, так близко, что я чувствую его кожей. Я вытягиваю шею и бросаю:

— Спорим, они будут с детьми.

— Спорим, один из них будет художник. — Кит карабкается по веткам вслед за мной. — Нет, лучше писатель.

— Спорим, у них будет собака.

— Спорим, они пробудут тут не больше пяти дней.

Я оскаливаю зубы в своей самой жуткой улыбке.

— Не больше трех.

— Да ладно, Моды. — Кит не сводит глаз с дороги. — Не такая уж ты страшная.

Вавка остается стоять на веранде. Качели все скрипят и скрипят, а ветер все крепчает, раскачивая деревья и спутывая непослушные волосы

брата. Но Вавка, похоже, больше сосредоточен на лесе, чем на чем-то еще. И я гадаю: может, он думает о Длиннопалом? Тревога пульсирует во мне, потому что иной раз я думаю: не слишком ли мои истории жуткие для восьмилетнего? Но все мои опасения мигом заглушает радостное волнение: я уже вижу машину.

Это старый облезлый фургончик с помятыми дверцами, треснувшим задним фонарем и ржавчиной вокруг колес. Вероятно, он синий, хотя трудно сказать наверняка. Мои глаза теперь уже не так хорошо различают цвета.

Долгое время фургон просто стоит на месте. Никто из него не выходит. От нетерпения кровь моя бурлит и пузырится, как газировка. Я уже готова сама кинуться к нему и открыть дверцы, когда одна из ручек звонко щелкает и из машины выбирается девочка.

У нее лицо сердечком, глаза как у совы, и одета она в шерстяную кофту поверх топики на тонких бретельках. Шелковистые волосы коротко подстрижены и заколоты тремя блестящими заколками в виде тыкв, хотя до Хэллоуина еще очень далеко. По моим прикидкам, ей лет одиннадцать или двенадцать, то есть примерно как нам с Китом. Она хмуро разглядывает коттедж «Ландыш», а из кармана ее джинсовых шорт торчит книжка в бумажной обложке: «Криптиды Озерного края» Артура Эдвейна.

— А я думала, здесь должны обитать привидения, — говорит она.

— А кто сказал, что их здесь нет? — отзывается из фургона жизнерадостный голос, явно при-

надлежащий взрослому. — Как минимум в трех отзывах упоминаются необъяснимые происшествия. А интернет никогда не лжет!

Она натягивает рукава кофты на кисти рук.

— Ага. Точно. Просто все тут такое... спокойное.

— Вот ужас-то, — сухо отвечает ей третий голос. — Спокойный домик для загородного отдыха.

— Он вполне может быть спокойным, и при этом с привидениями, — высказывается взрослый. После чего наконец выходит из машины, и моим глазам предстает мужчина средних лет в мешковатом спортивном костюме с копной пыльных волос. На подбородке пробивается щетина. У него такие же круглые глаза и узкие плечи, как у девочки, так что, решаю я, скорее всего, он ее отец.

— Ну разве не прелесть? — Он потягивается, устало улыбаясь. — Прямо-таки пахнет лесом! Можно сказать, ради этого уже стоило сюда ехать.

— Ну да, ведь не на тебя же стошнило Стика три часа назад, — ворчит кто-то третий, все еще оставаясь в машине.

Сначала я думаю, что Стик — тоже ребенок. Но тут из фургона практически вываливается собака — плоскомордая, с болтающимся языком и короткими кривыми лапами. Следом за ней показывается девушка постарше, лет, наверное, семнадцати-восемнадцати. Несмотря на пасмурную погоду, на ней легкое платье в цветочек и пластиковые очки от солнца. На шее, как модное

ожерелье, болтаются наушники. Сморщив носик, она смотрит на собаку, а та, хрипло лая — вернее, кашляя, — трусит к мужчине, который подхватывает и прижимает ее к себе, как нежно любимого младенца.

— Ты ведь не будешь больше тошнить на Джуно, правда? — воркует он. — Нет, конечно, не будешь. Ты ведь хороший мальчик, Головастик. Да, да, очень хороший. Хороший, славный мальчик.

— Пап, — говорит старшая дочь, очевидно, Джуно. — Ради всего святого.

Он смеется, но все же опускает собаку на землю.

— Солнышко, мы ведь в отпуске. Не волнуйся, никто не увидит, как твой старый папа ведет себя... как ты там говоришь... кринжово.

— Прекрати, пожалуйста, — отзывается Джуно.

— Отлично повеселимся, — произносит Кит где-то рядом с моим локтем. Я едва успеваю проглотить собственный вопль — я и не заметила, как близко он подобрался ко мне со спины. Сейчас он свисает с веток, как какое-нибудь дитя джунглей.

— Тише ты, — шиплю я, отпихивая его прочь. — Я пытаюсь слушать!

Кит усмехается. Больше он не говорит ни слова, но ему и не надо — он знает, что заставил меня подпрыгнуть. И, естественно, именно в этот момент гром решает напомнить о себе. На этот раз облака извергают вдобавок зеленоватую молнию. Бледно-лаймовый свет пронизывает Кита насквозь, словно его тело сделано из пыльного стекла. На мгновение сквозь полупро-

зрачную кожу проступают его кости — ребра, череп, позвоночник. Как будто мальчик превращается в скелет. Потом зеленый свет угасает, и он снова выглядит нормально.

— Что не так, Птичка Моди? — бодро осведомляется Кит. — Ты как будто привидение увидела.

— Точно, — огрызаюсь я. — И притом уродское.

— Эй, зачем ты обижаешь Вавку?

— А? — откликается с веранды Вавка. — Что?

— Ничего, — отмахивается Кит. Как бы зло он ни жалил меня, Вавку он почти не трогает. Может, потому, что нам обоим по двенадцать, а Вавке всего восемь. А может, потому, что Вавка никогда не дает сдачи. Или, может, Кит на самом деле не такой уж гад, каким хочет казаться. Не всегда, по крайней мере. Ну и кроме того, хоть он нам и не родня, мы трое уже практически одна семья; мы стали привидениями вместе, уже почти год назад.

Потому что так оно и есть. Мы привидения. Пусть даже не такие жуткие, как Длиннопалый. И коттедж «Ландыш» для нас больше чем просто дом, где мы обитаем.

Мы привязаны к этому месту.

2

— **ЛАДНО, — ГОВОРИТ КИТ.** — Выбирайте себе жертву. Чур, мне...

— Мне девочка с заколками-тыквами, — мгновенно выпаливаю я. — Младшая сестра.

Кит надувается.

— Я хотел ее себе! Она-то точно сломается раньше всех. Я думал, раз уж я выиграл в прошлый раз, то мне и выбирать первому.

— Ну хочешь, бросим монетку.

— Отлично, — кивает Кит. — Только кидать буду я. Не то чтобы я не доверял тебе, Модя. Просто... я тебе не доверяю, ага.

Из уст Кита это звучит довольно смешно, но я не спорю, только закатываю глаза.

— Решка! — говорю я, когда он достает из кармана свою счастливую монетку, подбрасывает ее

и прихлопывает другой рукой к раскрытой ладошке. Монета падает решкой вверх.

Кит стискивает челюсти, играет желваками. Какое-то мгновение я думаю, что он попросит сыграть еще раз. Но он беспечно пожимает плечами и изрекает:

— Прекрасно. Тогда я беру папашу. Взрослые все равно интереснее.

— Договорились, — киваю я. — А Вавка может заняться Джуно. Или, гм, Головастиком.

Эту игру мы затеваем всякий раз, когда в «Ландыш» приезжают постояльцы. Если они проживут здесь столько, сколько и планировали, — значит, они выиграли. Если они в испуге сорвутся раньше намеченного срока — значит, выиграли мы. Каждый из нас выбирает себе объект для пугания и прилагает все усилия, чтобы заставить жертву сломаться пораньше.

Это не так легко, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, это подразумевает, что нам нужно прорваться через завесу, отделяющую наш мир от мира живых. Раскачивать качели, сбрасывать на пол вазы и хлопать ставнями — это для нас несложно. Это, можно сказать, базовые привиденческие навыки. Но этого в большинстве случаев недостаточно, чтобы заставить людей паковать вещички. Однажды я попыталась возникнуть за спиной одного приехавшего в «Ландыш» студента, чтобы напугать его как следует, но он отвлекся на синичку и так и не обернулся. Когда я провалилась обратно в царство призраков, меня трясло и подташнивало от слабости. Следующие несколько дней